

18+

ЮРИЙ
СТАЛЬГОРОВ

ЗАЛОЖНИКИ ВОЙНЫ

1941-1945 гг.

Юрий Стальгоров

Заложники войны 1941—1945 гг.

«Издательские решения»

Стальгоров Ю.

Заложники войны 1941—1945 гг. / Ю. Стальгоров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960788-1

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** В

настоящее время в России существует несколько категорий людей, участвовавших в Войне 1941—1945 гг. Первая — это участники войны, к ним относятся только те солдаты и офицеры, которые непосредственно участвовали в боях. Вторая категория — труженики тыла. Это очень размытая категория людей. Таковыми считаются только те, кто получил справку о том, что во время войны он где-либо трудился — на заводе или в колхозе. Я ввожу в обиход еще третью категорию людей — заложники войны.

ISBN 978-5-44-960788-1

© Стальгоров Ю.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Июнь-июль 1941 года	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Заложники войны 1941—1945 гг.

Юрий Стальгоров

© Юрий Стальгоров, 2020

ISBN 978-5-4496-0788-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В настоящее время в России существует несколько категорий людей, участвовавших в Войне 1941—1945 гг. Первая – это участники войны, к ним относятся только те солдаты и офицеры, которые непосредственно участвовали в боях. А те, кто всю войну прослужил в Сибири и на Дальнем востоке, а потом вместе с нашими войсками вошел в Китай, но не участвовал в боях, участниками войны не являются.

Вторая категория – труженики тыла. Это очень размытая категория людей. Таковыми считаются только те, кто получил справку о том, что во время Войны он где-либо трудился – на заводе или в колхозе. Те, кто не оформил себе таких справок, несмотря на то, что они также работали во время войны, как труженики тыла в России не учитываются.

Я ввожу в обиход еще третью категорию людей – заложники войны. По сути дела, заложниками войны являются все участники войны, труженики тыла, а также население Советского Союза, находившееся на оккупированной немецкими войсками территории. Казалось бы, участники войны не должны входить в категорию заложников войны. Но если эти участники боев попадали в плен, они сразу же становились заложниками как немцев, так и нашего Правительства – для нашего Правительства они тут же врагами, преследовались даже семьи военнопленных. Жители оккупированных территорий, по мнению нашего Правительства, также становились врагами советской власти. Наши партизаны и другие военные формирования требовали от жителей активного участия в борьбе с оккупантами, в противном случае их считали пособниками оккупантов. Но женщины, старики и дети не могли быть ни теми, ни другими. Вот они-то и были настоящими заложниками как у партизан, там и у немцев – перед немцами они своей жизнью отвечали за действия партизан, а перед партизанами они также отвечали своей жизнью за действия оккупантов.

Если вернуться к участниками боевых действий, то даже в боях они являлись во многих случаях такими же заложниками. Это когда во время боя у них в тылу стоял заградотряд, и у них не было выбора. Хотя это не всегда мог быть заградотряд. Например, у защитников Сталинграда таким «заградотрядом» была широкая река Волга. Я хорошо знал участника десантной операции на так называемой «малой земле» под Новороссийском, Героя Советского Союза Райкунова Александра Васильевича. На «малой земле» он был командиром роты морских пехотинцев. Так вот, «заградотрядом» для них было море, и немцы моряков в плен не брали.

Теперь вернемся к труженикам тыла. По архивным данным, за четыре года войны было осуждено 16 миллионов человек. Из них около 500 тысяч – криминал, они сидели в тюрьмах или были расстреляны. Однако пятнадцать с половиной миллионов осужденных были тружениками тыла в самом широком понимании этого слова. За что сажали тех, кто трудился на различных предприятиях? Судили за опоздание более чем на 15 минут, за прогул, за нарушение технологических процессов производства, за допущенный сверхнормативный брак производимой продукции, за поломки оборудования, на котором работает рабочий, за иные нарушения трудовой и производственной дисциплины. В колхозах судили за невыполнение заданной нормы выработки трудодней, за прогулы, за мелкое воровство с колхозных полей и амбаров и за другие проступки.

Из этих 16,5 миллионов осужденных фактически ни один человек не попал в тюрьму или в ИТЛ, все они были приговорены к исправительным трудовым работам. То есть эти люди оставались работать на своих рабочих местах, так как арестовывать их и сажать в тюрьму было крайне невыгодно. А по приговору суда с их заработной платы удерживалось 20%, а также срок, на который они были осуждены, не входил в их трудовой стаж. Это ли не «заградотряд»? Таким образом труженики тыла становились заложниками советской власти.

В этой книге я постараюсь описать жизнь моих ближайших родных, которые были заложниками Войны.

Часть I. Июнь-июль 1941 года

Глава 1

В 1941 году мы жили в деревне Галынка Осиповичского района. Моя мама работала учительницей в начальной школе. В январе 1940 года в тюрьме г. Орша умер мой папа, и моя мама в августе 1940 года вышла замуж за Верниковского Михаила Викторовича, который работал в колхозе там же, в Галынке, кузнецом. У Верниковского так же в 1937 году умерла от туберкулеза его жена, остались двое детей: семилетняя дочь Валя и двухгодовалый сын Володя. У моей мамы детей было двое: мне было 4 года, а моему младшему брату Игорь – один год. Жена Верниковского работала в Галынке учительницей. Собственно говоря, мою маму прислали на работу в Галынку взамен умершей Верниковской. В апреле 1941 года мама родила от Верниковского дочь, назвали ее Маргарита. Так в нашей семье стало пятеро детей.

И вот мы практически всей нашей большой семьей (дочь Верниковского Валя осталась у своих родственников, они жили в деревне в пяти километрах от Галынки) в мае 1941 года отправились на каникулы в город Рогачев к маминой маме. Ехали поездом. На мне были детская «матроска» и бескозырка. Я постоянно высовывался из окна движущегося поезда, и в итоге бескозырку сорвало и унесло ветром. Бабушка жила на ул. Новоднепровской в небольшом двухкомнатном домике. В этом доме жили моя бабушка со своей 16-летней дочерью Женей, а также бабушкина сестра со своим мужем Йозефом Стратановичем. Бабушка с тетей Женей спали в комнате побольше, а Стратановичи – в маленькой комнатке. И вот вся наша орава ввалилась в этот домик, поселились мы в большой комнате. Мы – трое мальчиков – спали на полу. Бабушка отдала свою кровать моей маме и Верниковскому, а сама спала на русской печи, а тетя Женя спала на чердаке. Я залезал к ней чердак – там было очень хорошо оборудованное для жилья помещение. Были кровать, стол и стулья. Чердак, конечно, не отапливался, но летом там спать было вполне комфортно. В общем, мы не сетовали на тесноту и жили дружно. Поскольку мой отчим был весь апрель на военных сборах командиров запаса, его попросили поделиться впечатлениями бабушкины знакомые – два бывших офицера царской армии. Один из них был полковником, другой чином пониже. Они хотели узнать, как оценивает обстановку на границе с Германией старший лейтенант Красной Армии Верниковский. Моего отчима уволили в запас из РККА за какую-то пьянку, но я ни разу не видел, чтобы он употреблял алкоголь или был выпивши. Сидя на веранде, они слушали его рассказы о Бресте, где проходили сборы комсостава. Мне было это интересно, и я внимательно слушал. По мнению Верниковского, Брест напоминал собой прифронтовой город. Отчим говорил, что в городе много немцев в гражданской одежде, а местные жители говорят, что немецкая армия стоит за Бугом и вот-вот войдет в город. наших войск там тоже много, но много и «бестолковщины». Так, например, танкисты из дивизии, стоящей под Брестом, говорили, что танки стоят без моторов, так как их сняли на капитальный ремонт. В Рогачеве жители тоже говорили, что война с Германией вот-вот начнется, но гадали, кто начнет её первым – Сталин или Гитлер. Поэтому я в ответ на заявления историков и псевдоисториков, утверждающих о том, что война началась для населения неожиданно, с полной ответственностью утверждаю, что это не так. Войну ожидали, по крайней мере, в восточной Белоруссии, где я в то время жил. А в Бресте – тем более. Я помню, как тот полковник сказал, что, учитывая то, как располагаются наши войска и общую обстановку, он считает, что Сталин намеревается наступать. Он обосновывал своё суждение тем, что расположение войск, особенно по выступам, таким, как Белостокский и другие, для наступления достаточно благоприятное, а концентрация и численность войск в тех местах, о которых говорил Верниковский, также этому благоприятствуют.

Естественно, никто не знал, как скоро Сталин начнет наступление и начнет ли его вообще, однако же один из этих офицеров сказал, что, не приведи Господь, немцы начнут превентивное наступление на СССР – нашим войскам будет очень тяжело защищаться. Он объяснял это неудачным расположением наших войск для обороны и духом Красной Армии, подготовленной воевать в наступательных операциях только на чужой территории. Таким образом, все собеседники пришли к единому мнению, что, если Сталин не начнет наступательную войну первым, а первым начнет эту войну Гитлер, нам будет очень плохо. От себя хочу добавить, что впоследствии многие мне говорили, что я просто-напросто выдумал рассуждения этих офицеров. Что я, будучи восьмилетним мальчиком, не мог понимать, о чем они говорят. А я и не понимал. В тот момент я просто дословно запомнил рассуждения офицеров, не понимая их смысла. Конечно, осмыслил я всё это гораздо позднее.

19 июня 1941 года в возрасте всего лишь 3-х месяцев умерла от диспепсии моя сестра Маргарита. Мой отчим сам сколотил для неё маленький гробик. Он взял его подмышку, и мы все вместе пошли на кладбище, которое располагалось недалеко от нашего дома. На этом кладбище был уголок, где были похоронены родственники моей мамы – мамы дедушка и бабушка Устиновичи и мамин папа Вишневыский Матвей Иванович. Там же похоронили и Маргариту. Естественно, памятника никакого не поставили, просто воткнули дощечку. Мама сказала, что позже какой-никакой памятник поставим, чтобы видно было могилку. Но 22 июня началась война.

В этот день я с утра играл с соседским мальчиком в их огороде. Мы швыряли камни, и я случайно разбил окно в их доме. Испугавшись, что меня отругают его родители, я убежал к Днепру, а затем домой. Прибежав домой, я по радио услышал выступление Молотова о том, что немцы напали на нас и началась война. Естественно, о моем наказании все забыли, поскольку весть о войне заняла умы всех горожан. Начались разговоры среди взрослых о том, что немцы, двинувшись на СССР, могут снова занять Рогачев, как они это делали в 1918 году. Некоторые говорили, что немцы дойдут лишь до так называемой старой границы 1939 года СССР с Польшей. Но немцы не остановились на старой границе и пошли дальше, что стало ясно на третий день войны. Пошли разговоры о том, что необходимо бы эвакуироваться подальше от боев, ведь СССР большая страна с огромной территорией, и можно эвакуироваться к Уралу, вглубь страны. Однако большинство людей не хотели эвакуироваться, даже евреи, которых было около половины населения города. Они говорили, что немцы не тронут мирное население, что еврейский язык и немецкий схожи между собой, что немцы – культурная нация, они ведь не уничтожали мирное население в 1918 году во время оккупации Белоруссии. Подспудно имелось в виду, что советская власть плохая для населения, а немецкая власть будет лучше. Советская пропаганда тоже не упоминала о массовых репрессиях немцев против еврейского народа.

Мама была кандидатом в члены ВКП (б) и 30 июня пошла к первому секретарю райкома партии (его фамилия, насколько я помню, была Суворов) с вопросом:

– Следует ли эвакуироваться, так как немцы по слухам вот-вот войдут в город?

Пришла она оттуда злая и сказала, что он принял её очень плохо:

– Нечего сеять панику вестями о наступлении немцев! Если вы будете ещё об этом вслух в городе говорить, то мы вас как провокатора, паникера и вдову врага народа расстреляем.

Она сказала:

– Я с таким дураком в одной партии быть не хочу!

Я помню, как она разожгла на припечке несколько щепок и сожгла свою кандидатскую карточку. Эта картина до сих пор стоит перед моими глазами, и мне тогда было смешно. В ночь с 30 июня на 1 июля руководство города во главе с Суворовым сбежали из Рогачева, взорвав за собой мост через Днепр. Взрывной волной выбило стекла в нашем доме. Мы, дети, спали на полу под окном, и взрослые бросились к нам, думая, что нас ранило осколками стекла.

Однако никто не пострадал, т.к. нас защитил комод, который прикрывал третью часть окна, и выбитые стекла упали между комодом и стенкой.

Утром я с соседским мальчишкой побежал смотреть, что случилось с мостом. Мы увидели, как обломки взорванного моста валяются в реке. На берегу стояли большие группы красноармейцев. Они ругали руководство города за взрыв моста и своих командиров, говорили, что их предали и «продали». Многие переодевались в гражданскую одежду, которую они покупали у местных жителей. Среди солдат много было новобранцев, которые выделялись стрижкой «под ноль».

1 июля начался обстрел города. Стреляла, увы, наша артиллерия, стараясь уничтожить городские постройки. Такая тактика «выжженной земли», следуя которой при отступлении надо было всё разрушать, практиковалась Сталиным и его приспешниками. Стреляли сильно. Мы хотели уйти из города, и тот же полковник, который общался в свое время с моим отчимом, рассказал о существовании брода, по которому можно пересечь Днепр и эвакуироваться. Конечно, это означало, что идти придется налегке, не взяв с собой ничего из вещей. Люди, одетые в июле месяце в шорты и лёгкие тапочки, собирались эвакуироваться, как будто на пикник (во всяком случае, так думала моя мама). И вот мы – моя мама, её сестра, мой отчим, нас трое детей и этот полковник – лежим в ночной темноте в огороде и ждём, когда прекратится стрельба, чтобы перейти улицу и идти дальше. Увы, стрельба не прекращалась. Мы просидели так примерно 2 часа, и было просто невозможно даже поднять голову. Осколками снаряда мне ранило ногу, и это всё решило. Полковник сказал нам, что он не поведет нас ночью под таким огнем, боясь за наши жизни. Мы вернулись домой.

Артиллерия стреляла в том числе и зажигательными снарядами. Кто-то также, находясь в городе, стрелял в воздух очередями трассирующих пуль. Ночью это было отлично видно. При этом немцы в город еще не вошли, а наши войска были за Днепром. По-видимому, это было целеуказание для артиллерийской стрельбы. Два дня город горел. Когда горели дома рядом с нашим домом, взрослые нашей семьи сидели на крыше и поливали её водой из ведер, а мы носили воду из Днепра. Бабушка трижды обошла с иконой наш дом и молилась, чтобы он не загорелся. Потом, когда обстрел закончился, она хвалилась, что благодаря молитве и иконе наш дом не сгорел.

3 июля в город вошли немцы. Огонь советских орудий прекратился. Немцы вошли веселыми, здоровыми, с закатанными рукавами и вооруженные автоматами. Танков у них я не видел, но, как правило, все немцы на чем-то ехали: на автомобилях, на мотоциклах, даже на велосипедах. Ходили пешком только патрули по городу. Они ходили по улицам со словами «матка, яйки!», «матка, курки!» и аналогичными фразами. Надо сказать, что хлебом-солью их, конечно, никто не встречал, но и особо не боялись. Мы, мальчишки, разговаривали с немцами, среди которых встречались не только этнические немцы (например, баварцы и т.п.). Среди них было много хорватов, словенцев и чехов, которые худо-бедно, но могли говорить на понятном нам языке и понимали нас.

Помню такой эпизод. Стоят на улице два молодых немца с наградами на груди и примерно пятеро мальчишек. Мы спрашиваем одного из немцев, за что он получил награды, среди которых были три креста и другие значки. А он нам отвечает, что награды получил за французскую кампанию, за взятие разных городов во Франции. Затем он говорит, что у них на вооружении автоматы, а у русских винтовки, и поэтому они, конечно же, русских победят. И вот они сейчас здесь, а через десять дней они уже займут Москву, и русские техника и обмундирование ни на что не годны. Тут он взял валявшуюся на земле красноармейскую каску (она сильно отличалась от немецких) и показал на ней дырку со словами:

– Как вы думаете, остался ли жив русский солдат, на котором была эта каска, после попадания в неё осколка?

Мы ему ответили, что, скорее всего, нет. Тогда немец показал на усеянную вмятинами каску своего товарища по имени Ганс, который в это время ел вишню, и сказал:

– А вот на каске Ганса взорвалась русская мина – и он живой. Правда, Ганс?

В ответ на его вопрос Ганс, ни слова не понимавший по-русски, закивал головой со словами «Ja, ja!». И мы, уже имевшие представление про мины и снаряды, разинули рты.

Мы ещё первого июля, когда начался артиллерийский обстрел города, перешли жить в бомбоубежище вместимостью примерно 50 человек, которое было выкопано недалеко от нашего дома трестом столовых для своих сотрудников примерно ещё в 1940 году (как будто ожидали войны). Я думаю, что оно было выкопано по линии гражданской обороны. Бабушка со своей сестрой и Стратановичем дом не покидали. Мой отчим рядом нашёл что-то похожее на маленький блиндаж вместимостью 5—6 человек. Он был глубиной около четырех метров, перекрытие – три наката бревен, с замаскированным лежащими бревнами входом. Я, Вова и Верниковский перешли в маленький блиндаж, а мама с Игорем осталась в бомбоубежище. В блиндаже было достаточно прохладно, и я взял туда из дома свое зимнее пальто.

Немцы начали собирать местных жителей, выгоняя их в сборные пункты из домов и различных убежищ, чтобы собрать из них колонну для эвакуации из города. Они мотивировали это тем, что русские войска будут наступать, в городе будут бои. И чтобы мирное население при этом не страдало, его надо вывести из города. Я помню, сидим мы втроем в блиндаже, увидели ствол немецкого автомата и услышали по-немецки «Heraus!» и поняли, что надо вылезать. Стоит мама и чуть не плачет, потому что, когда их выгнали из бомбоубежища в количестве примерно 50 человек, мама кинулась к нашему блиндажу, а немец подумал, что она хочет сбежать, и, наставив на неё автомат, закричал «Halt! Zurück!» и уже собирался стрелять. Маме кое-как удалось объяснить этому немцу, что рядом есть укрытие. Когда мы вылезли, нас всех собрали и отвели в подвал детского садика, расположенного неподалеку. Это был как бы сборный пункт. Подвал был затоплен канализационными стоками, но это немцев не волновало. Выход из подвала был один, и охранял нас один немецкий часовой. Мы нашли там место повыше, но проход в подвал был залит фекальными стоками, и вонь была невыносимая. Надо сказать, что все это время бабушка умудрялась прятаться от немцев, поэтому её с нами не было. Из укрытий нас выгнали утром, и, просидев в подвале до примерно 4 часов дня, люди заволновались и стали просить охрану, чтобы их отпустили за какой-нибудь пищей. Немцы согласились отпустить за едой по одному человеку от каждой семьи при условии, что, если они не вернуться через час, их семьи будут расстреляны. Посоветовавшись между собой, мама, тетя Женя и Верниковский решили, что за продуктами ходит тетя Женя. Помню, что она вернулась в подвал минут через 40 и принесла продукты не из дома – печенье, шоколадную плитку и т. п. По-видимому, они были из разграбленного магазина, поскольку ещё с начала обстрела городское население и окрестные крестьяне бросились грабить город. В Рогачеве основными предприятиями тогда были консервный завод, знаменитый своим сгущенным молоком, и картонная фабрика. Что уносили с фабрики, я не знаю, а с консервного завода тащили сгущенку. Грабили банк. Моя мама первого июля ходила в райком партии и после того сказала, что там никого нет и что город грабят мародеры, несмотря на то, что немцев тогда ещё не было. Кстати, пришедшие в город немцы грабежам не препятствовали, а лишь смеялись над этим и фотографировали таких людей, выносящих, например, стулья из здания школы. Эти фотографии они потом отсылали домой с комментариями наподобие таких: «Посмотрите на этих русских! Они чуть что грабят и мародерствуют».

Продержав нас какое-то время в подвале детского садика, поздним вечером того же дня немцы перегнали нас в подвал пединститута, все этажи которого горели. Здание было П-образное, трех- или четырехэтажное, во дворе находилась водопроводная колонка. У нас не было ни еды, ни питья. Я помню, как ходил по подвалу, заходил в пустую котельную, видел железобетонные прогнувшиеся и полопавшиеся от давления и жары от пожара перекрытия. В подвале

людей было не менее пятисот: старики, молодые люди, женщины и дети. Среди нас примерно половина людей были евреями, все они были с вещами. В разговорах с ними мама выяснила, что немцы, когда выгоняли их из своих домов, требовали, чтобы они брали с собой свои вещи, кто сколько может. Тогда как русских немцы выгоняли без вещей. Мама сделала вывод, что евреев навсегда изгоняют из города и, скорее всего, их всех расстреляют. Поскольку нас пригнали на пункт, где были собраны евреи, мама решила, что вместе с ними расстреляют и нас.

В этом подвале мы пробыли около двух суток. Все хотели пить, воды не было ни у кого. На вторые сутки кто-то сказал, что заработал городской водопровод и в колонке, находящейся во дворе института, якобы можно набрать воды. И вот люди столпились у одного из выходов из подвала, чтобы пройти к этой колонке. Немецкие часовые вначале не выпускали никого из подвала, но затем сказали, что те, у кого есть посуда, могут набрать воды, причем могут идти только дети и старики. Кто-то подсунул мне графин емкостью 2 литра. Кто его мне дал, я не видел, но помню, что у нас в семье графина не было. Я пошел к колонке, думая, что наберу полный графин и принесу в подвал. Чёрта с два! Как только я набрал примерно треть графина, немецкий часовой, который стоял возле колонки, оттолкнул меня, рывкнув «Weg!» («Прочь!»), и я отошел назад с этим графином. После меня к колонке подошёл старик-еврей с окладистой бородой. Посмотрев на него, часовой крикнул «Jude!» и ударил ногой в живот, не пустив к колонке. От удара старик упал, и из подвала выбежали двое мужчин и затащили его в подвал. Это был единственный случай издевательств немцев над евреями, который я видел.

На вторые сутки к нам в подвал зашёл немецкий офицер, говорящий на русском языке. Он обошёл подвал, осмотрел людей, одновременно разговаривая с офицером – старшим нашего конвоя. Когда он уже выходил из подвала, находящиеся внутри люди стали спрашивать его, будут ли нас кормить, на что он ответил по-русски: «Пусть вас кормит Сталин». Однако же, потом к нам спустился офицер охраны и сказал, что начальник ему разрешил выпустить по одному человеку из каждой семьи в город за продуктами. Он предупредил, что если через два часа ушедшие не вернуться, то их семьи будут расстреляны. Из всего количества семей, находящихся в подвале, представители только около десяти семей (все мужчины) желали идти за продуктами. Мой отчим Верниковский сказал, что пойдёт он. В итоге он принес примерно полмешка солдатских засахаренных сухарей. По-видимому, он с кем-то вдвоем взял этот мешок на военном складе, а потом его разделили пополам. Верниковский, когда ходил за продуктами, разведал обстановку и сказал нам, что из подвала можно бежать. Мама в ответ сказала: «Как же я побегу с детьми? А бросить я их не могу!». Она отказалась бежать, боясь того, что при побеге немцы нас застрелят. Тогда Верниковский сказал, что сбежит один. Мои мама и отчим в то время часто ссорились, и ещё до того, как советские войска оставили город, она буквально выгоняла его из дома, чтобы он ушёл в армию. Он говорил на это, что в Красной армии хорошо служить в мирное время, а во время войны могут и убить, так что он не пойдёт. Ночью Верниковский убежал вместе с кем-то из товарищей.

Нас на следующий день подняли, построили в шеренгу и сказали: «Сейчас перед вами выступит начальник, и вы пойдёте через Дуть, а дальше идите куда хотите». И тут перед нами выводят Верниковского и ещё человек пять, которые с ним бежали. Немецкий офицер сказал: «А вот эти люди хотели бежать, не хотели подчиняться и поэтому должны быть расстреляны». Все молчали. Далее офицер со стеклом в руке говорит: «Но, поскольку мы цивилизованные люди, я на этот раз их прощаю. Но чтобы они так больше не делали, надо преподать им урок». И он отхлестал своим стеклом каждого по лицу. После этого он приказал им идти к своим семьям, напомнив при этом, что они своим побегом подвергли риску расстрела членов своих семей. И Верниковский пошел с нами в колонне.

Кстати, когда нас выводили из подвала, оказалось, что у евреев было довольно много вещей. Почти каждая еврейская семья была не в состоянии унести все свои вещи (как уж они их заносили в подвал, я не знаю). В этих случаях немцы брали с улицы красноармейцев, кото-

рые остались в Рогачеве из-за того, что мост через Днепр был взорван. Пленными их не назову, так как они сами просились в плен, подходили к немцам и говорили им «Плен, плен!», а немцы отгоняли их пинками с криками «Weg!» и, не знаю почему, не брали их в плен. Этим людям немцы брали, чтобы помочь еврейским семьям нести их вещи. Красноармейцы во многих случаях помогать отказывались, но у немцев на это был простой ответ – они били несогласных рукой либо прикладом, угрожали застрелить, после чего эти люди брали еврейские вещи и шли с ними в колонне. И вот мы пошли колонной численностью примерно пятьсот человек под конвоем. Надо было пройти несколько километров. Впереди шел начальник конвоя в офицерском звании. В руках он держал каску, наполненную вишнями. На ходу он закидывал вишни себе в рот и выплёвывал косточки. Рядом с ним шла переводчица, учительница немецкого языка из Рогачевской школы. Раньше она училась вместе с моей мамой, а потом окончила в каком-то институте факультет иностранных языков. Вместе с ними также шла её дочь лет 12-ти. Они шли, разговаривали, шутили и смеялись. С боков колонны шли конвоиры, но их было очень мало, вполне можно было бежать, поэтому многие убежали, в том числе тетя Женя. Улица, по которой шла колонна, называлась Друтская и упиралась прямо в реку. С обеих сторон улицы были сплошные дощатые заборы. Мост через Друть был взорван, но немцы устроили через реку понтонную переправу. Они считали территорию за Друтью своим глубоким тылом. Когда мы подошли к реке, переправа была занята входящими в Рогачев немецкими войсками, поэтому колонна остановилась. Люди в колонне прижалась к забору с правой стороны улицы, а на левой стороне немцы-конвоиры стали развлекаться. Раздевшись до трусов, они черпали из реки воду и поливали ею друг друга, так как было очень жарко. Это было 9 июля. Примечательно, что в Красной армии трусов не носили – красноармейцы носили кальсоны.

Я помню, как вдруг какой-то молодой человек спросил начальника конвоя, который успел к тому времени уже одеться, тогда как немецкие солдаты ещё ходили раздетые (они расхаживали в трусах, сапогах и в касках, с автоматом на пузе): «Долго мы будем ещё здесь стоять и ждать?» Начальник ответил, что не знает. Тогда этот мужчина спросил, может ли он привести сюда свою корову. Офицер ответил, что это возможно, но спросил, где находится его дом. Мужчина ответил, что его дом недалеко отсюда. Немец выразил сомнения, что тот вернется обратно, на что последний сказал: «Я вернусь! Честное слово!» Переводчица сказала, что знает этого молодого человека, так как они вместе работают в школе учителями, он учитель физкультуры. Моя мама также сказала, что знает этого учителя и ручается за него как за порядочного человека. Немец сказал молодому человеку, что может разрешить привести сюда корову только за пятнадцать минут, на что мужчина ответил, что пятнадцати минут ему достаточно, и что через пятнадцать минут с коровой или без коровы он вернется. Тогда немец спросил переводчицу и мою маму, ручаются ли они за то, что учитель вернется через 15 минут. Получив утвердительный ответ, он сказал: «Всё, можешь идти. Через 15 минут ты должен быть здесь с коровой или без».

Минут через десять после того, как учитель ушёл, офицер спросил переводчицу и мою маму, кто из членов их семей находится с ними вместе в колонне. Переводчица сказала, что с нею дочь. Моя мама, скрыв факт присутствия в колонне как членов семьи Верниковского и его сына, сказала, что с ней двое детей. Немец велел всем нам выйти из колонны и стать поближе к нему. Между нами и колонной стали двое немецких солдат. Офицер сказал, что будет вынужден нас расстрелять, если ушедший за коровой не вернется через обещанные 15 минут. Мама спросила:

– Почему расстрелять?!

А немец ответил:

– Но вы же за него поручились?

Мама ответила утвердительно.

Тогда немец сказал:

– Чем же вы поручились? У вас что, есть золото? Драгоценности?

– Ничего этого нет, – ответила мама.

Переводчица ответила точно так же.

– Тогда залог вашего поручительства – ваши жизни, раз больше ничего нет.

– Но ведь когда мы за него ручались, он не знал, что нас расстреляют в случае его опоздания!

– Должен был знать, что, кроме ваших жизней, у вас ничего нет.

– Ведь его может задержать, ранить или убить ваш же патруль!

– Может. Но вы разве не знали об этом раньше?

Переводчица спросила офицера:

– А что, если он все же придет, но опоздает? Вы ведь нас уже расстреляете!

На это он невозмутимо сказал:

– Тогда я расстреляю и его.

В толпе начали роптать: одни обвиняли в жестокости немецкого офицера, другие обвиняли в глупости и легкомыслии поручителей. К концу тринадцатой минуты нас поставили к забору, готовясь расстрелять, один из солдат уже передернул затвор автомата, приготовившись стрелять. И вот идет уже пятнадцатая минута, два солдата уже готовы расстрелять переводчицу, её двенадцатилетнюю дочь, мою двадцатилетнюю маму, моего пятилетнего брата и меня. Вдруг из хвоста колонны кто-то кричит: «Остановитесь! Не стреляйте, он бежит!» И, в самом деле, все увидели, как тот мужчина бежит с коровой. Он подбежал к начальнику конвоя и сказал:

– Я пришёл! Прошло не более пятнадцати минут.

Тогда немецкий офицер сказал нам:

– Становитесь обратно в колонну. Вы, как я вижу, поручились за честного человека, и он пришел вовремя.

В колонне начали ругать этого учителя:

– Зачем же ты, дурак, пошел за этой чертовой коровой?! Ведь их уже готовились расстрелять! Ладно они, женщины, дуры, поручились за тебя, но ты-то сейчас видел, как они стояли у забора, и их бы обязательно расстреляли, если бы ты пришёл позже хоть на две минуты! И тотчас же расстреляли бы и тебя!

– Я просто знал, что за меня поручились люди: я дал честное слово и был обязан прийти вовремя, и пришел.

Этот эпизод на меня произвел очень сильное впечатление. Страх не было, ведь я тогда был маленький и толком не осознавал близость смерти. Я понял, что ручаться за человека можно только в тех случаях, когда есть стопроцентная уверенность в результате, а лучше вообще ни за кого не ручаться. В серьёзных случаях поручиться за другого просто невозможно, а в несерьёзных – никакого поручительства и не требуется. Ещё на меня произвело большое впечатление то, что этот учитель оказался честным и порядочным человеком, в его своеобразном противостоянии с немецким офицером он вышел победителем. Он доказал, что он человек чести, держащий своё слово.

Примерно через десять минут после случившегося нас подняли и велели идти по мосту через Друть, а дальше – «идите куда хотите». Конвой за Друть с нами не пошёл.

Глава 2

Куда идти – совершенно неизвестно. Последнее напутствие немецкого конвоя было «Идите nach Бобруйск». Видимо, имелось в виду, что Бобруйск – это глубокий немецкий тыл. Но нас там никто не ждал, и мы никого там не знали. Колонна рассеялась, и каждый пошел, куда хотел. Мама, поскольку была человеком местным, предложила идти в какую-то деревню, её названия я уже не помню, и мы пошли туда. В селе располагалась немецкая войсковая часть. Группа немецких солдат купалась в речке, которая там протекала. Верниковский со своим сыном остался в роще на окраине села, а мы втроем зашли в село. Подошли к немцам, часть из которых находилась в воде, а другая часть отдыхала на берегу. Все немцы были в трусах. Они остановили нас и пытались заговорить с мамой. Один немец сказал, что у него дома остались жена и двое детей примерно такого же возраста. Один из купавшихся немцев вышел из воды, подошел к нам, достал из кармана трусов бумажник и вынул из него фотографию, на которой был он со своими женой и детьми примерно нашего возраста. Затем один из уже одетых немецких солдат подвел нас к рядом стоящим на грунтовой площадке самолетам. Видимо это был какой-то временный небольшой аэродром. Там стояло около десяти самолётов, половина из них были советские: два маленьких биплана и несколько истребителей. Несколько самолетов были немецкими истребителями «Мессершмитт». По площадке ходило достаточно много людей. Немецкие солдаты, показывая самолеты, сравнивали по внешнему виду немецкие истребители и наши самолеты. Говорили «Ваши самолеты – это «русфанер!» и что вообще в немецкой армии техника гораздо лучше, чем в Красной Армии, и поэтому поражение Советского Союза в этой войне неизбежно. Действительно, на внешний вид немецкие самолеты выглядели более изящными и мощными.

Мы встретились с Верниковским и с его сыном и пошли дальше. Прошли две небольшие деревни – никто нас к себе на постой не принимал. Никто не предлагал ни поесть, ни попить, а у нас еще были остатки засахаренных сухарей, и мы не просили. Мы стали искать место, где остановиться, и нашли здание школы. Это было новое здание в три этажа, выстроенное примерно в двух-трех километрах от расположенных вокруг нее трех-четырёх деревень. Школа располагалась как бы в центре, почти на равных расстояниях от окружавших ее деревень. Здание пустовало, и мы решили в нем расположиться. Мы нашли помещение наподобие кухни, в котором имелась плита. Когда мама, решив растопить плиту, открыла дверцу топки, она нашла там пакет с какими-то продуктами. Там было что-то сладкое вроде изюма. Рядом со школой были поля, засеянные рожью, и мы пошли и набрать колосков, а мама сварила из них кутью – без соли, без жира, но животы мы кое-как набили.

Вечером того же дня к нам пришла тетя Женя с подругой. Оказалось, что немцы ещё раз собрали горожан в ещё одну колонну, и туда попала тетя Женя со своей подругой, также девушкой лет шестнадцати. По какому-то наитию они пошли в то же село, что и мы, и именно в эту школу. Они остались с нами. На следующий день я с тетей Женей и с её подругой пошел в ближайшее село, чтобы купить какой-либо еды. Но нам никто ничего не продал и даром не дали, хотя мы говорили, что нас немцы выгнали из Рогачева и что мы совсем без еды. В деревне же выяснилось, что немцев не было ни в селе, ни рядом с селом. Дня через три у нас в школе появились трое молодых мужчин. Они были в гражданской одежде, но Верниковский распознал в них красноармейцев, и они разговорились. Оказалось, что они шли из-под Бреста. Это были три танкиста. В разговоре с Верниковским они сказали, что с их танков в июне сняли моторы и увезли на капитальный ремонт, а новых к началу войны поставить не успели (об этом рассказывал Верниковский в Рогачеве в первых числах июня). Танкисты оказались безоружными перед врагом. Многие сдались в плен, а некоторые ушли из Бреста, шли по оккупированной немцами территории до Днепра.

В школе мы прожили дней пять, питаюсь зерном из колосков с окрестных полей. 15 июля я, тетя Женя и её подруга пошли в деревню. По пути в деревню из глубокого кювета рядом с дорогой нас кто-то окликнул. Мы посмотрели, кто нас зовет – оказалось, что там были трое вооруженных красноармейцев, которые представились разведчиками и спросили нас, есть ли в деревне немцы. Мы им ответили, что, во всяком случае, до сегодняшнего дня никто в селе немцев не видел, но немцы пришли в Рогачев и выгнали нас оттуда. Они сказали, что наши войска уже вошли в Рогачев и 14-го июля полностью освободили его от немцев, а их послали в разведку, т.к. планируется наступление наших войск на Бобруйск. Тетя Женя спросила, каким образом они перешли линию фронта и добрались сюда. Они спросили, почему нас это интересует.

Тетя Женя ответила:

– Немцы выгнали нас из Рогачева сюда, в свой тыл. Мы находимся здесь почти неделю, живем в пустой школе. Местные жители нам совершенно не помогают, мы голодаем, питаемся колосками, чтобы совсем не умереть с голоду. Мы хотели бы вернуться в Рогачев, тем более что наши войска выгнали оттуда немцев.

Разведчики рассказали, что сплошной линии фронта нет, сказали, каким путем они дошли до этой деревни, и объяснили, каким путем нам идти в Рогачев. На радостях мы не пошли в деревню, а вернулись в школу и рассказали обо всем маме, Верниковскому и трём танкистам. Услышав наши слова, мама тотчас начала собираться со словами «Пропади пропадом эта школа, эта деревня! Чтоб все тут подошли!» Такие были эмоции. Выяснилось, что Верниковский идти в Рогачев не хочет, танкисты тоже.

Верниковский сказал:

– Я не хочу на войну, ведь там действительно могут убить. Я пойду к своим родным в деревню.

Он взял своего сына и ушел в Свислочский район в свою деревню, которая была к тому времени в глубоком немецком тылу. Три танкиста тоже сказали, что навоевались, что советское командование их фактически предало, и они ему не доверяют. А теперь они хотя бы не в плену и пойдут в свой родной город Воронеж. На недоумение моей мамы о том, что Воронеж ещё не занят немецкими войсками, они ответили, что идут они медленно, пешком, и немцы займут Воронеж быстрее, чем они до него дойдут.

Мы распрощались с Верниковским и танкистами и примерно в шесть утра мы двинулись в путь. Танкисты тоже двинулись в путь в неизвестном направлении, видимо, побоявшись, что мы кому-нибудь о них расскажем. Куда они ушли, я не знаю, а мы пошли в Рогачев. По пути мы переправлялись через реку Друть как раз в том месте, где она течет почти перпендикулярно Днепру, и моя мама, тетя и её подруга, которые выросли на Днепре и очень хорошо плавали, переносили нас, детей, через русло реки. По пути мы не видели никаких солдат, и лишь однажды увидели, как примерно в пяти километрах от нас проскакало подразделение немецких кавалеристов, примерно эскадрон. Командир приостановился, минуты две-три посмотрел в бинокль в нашу сторону (мы шли вдоль опушки леса) и проскакал со своим подразделением в лес.

Часов в десять вечера, пройдя около сорока километров, мы пришли в деревню с названием Новое Село. В этом селе не было ни немцев, ни наших войск, хотя считалось, что там должны быть немцы. Вот в этом селении люди встретили нас чрезвычайно дружелюбно. Нас пригласили в избу, накормили вареной картошкой и напоили молоком. Причем я до сих пор помню, как выпил так много молока, что все удивлялись, как в меня, такого худого, влез целый кувшин. Я же просто соскучился по молоку. Там мы переночевали и стали расспрашивать местных. В этом селе оказалось много рогачевских, так как Новое Село было примерно в пяти километрах от Днепра и Рогачева. Идти из Нового Села в Рогачев нужно было таким маршрутом: по лесу по мощеной дороге, сбоку которой шли столбы, после чего дорога выходила на просеку

шириной около двух километров; по просеке нужно было идти три километра до Днепра и, поворачивая направо, заходить в город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.